

сказывала что-то забавное. Она была неистощима на выдумки и всякие «приколы», создала многие постановки и сценки на темы жизни факультета, была одним из авторов обзора «Все – свои» и пьесы «Комарики», автором многих хороших стихов и т. д. Вдохновитель и организатор – «мотор» нашей самодеятельности и всей общественной жизни, Лялька, как все мы ее называли, умела буквально все: читать стихи и прозу, играть в спектаклях, вести конференс или серьезное собрание, сочинять стихи и рассказы, писать научные статьи и очерки на разные темы, танцевать и петь в хоре. Она служила примером для всех, кто сомневался в своих возможностях, потому что считала, что неталантливых людей нет. И на все у нее хватало сил и времени, хотя была она не очень здоровым и физически совсем не крепким человеком. Она вдохновенно трудилась на своей кафедре физиологии человека и животных, проводя многочисленные опыты на кошках, которых часто наши мальчишки приносили с улицы. У нее была серьезная диссертационная тема, связанная с изучением работы сердца, которую она сама и придумала, несмотря на уговоры кафедральных друзей и недовольство руководителя. Ведь ей хотелось делать что-нибудь полезное людям.

Ляля была любима большинством ребят, но вызывала опасение и подозрения у некоторых членов партийного комитета факультета – вдруг сделает что-то, что не вписывалось в их представления об идеологии, вдруг кого-то неправильно раскритикует.

Позже, когда Ляля вступила в партию, вся неприязнь партийного руководства вылилась в обсуждения на партийном комитете и собраниях «неправильного поведения коммуниста Розановой» и закончилось строгим выговором.

И это человеку беззаветно, но не бездумно, преданному Родине и партии!

Лялин отец – Сергей Григорьевич Розанов – был писателем, книжку которого «Приключения Травки» мы читали в детстве, и другом любимого нами Аркадия Гайдара, чьими книгами, учившими нас бескорыстной дружбе, любви к Родине, быть честными и отважными, мы буквально зачитывались. Естественно, что и Ляля знала произведения Гайдара.

А мама Ляли – Александра Иосифовна Гроссман – руководила драмкружком Дома Пионеров Фрунзенского района

Москвы и часто помогала нам на Биофаке ставить спектакли. Думаю, что Лялино восприятие жизни, ее творческая активность и отношение к людям шли от этих замечательных людей. Лялька влюблялась, но часто без взаимности, и писала об этом грустные стихи, втихомолку плакала, тогда глаза ее становились печальными.

*Лев Москалёв –
мой студенческий друг*

*Володя Белов –
участник наших концертов*

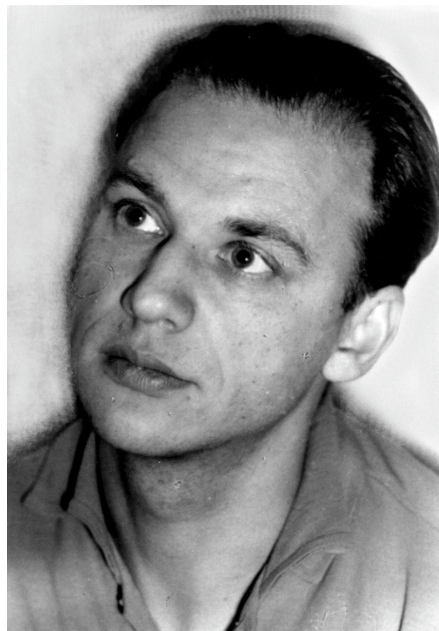
Два года (1953–1955) я была в одном с Лялей комсомольском бюро факультета – она секретарём, а я ответственной за культсектор. Кстати сказать, наш факультет занял в 1954 году первое место на смотре художественной самодеятельности МГУ, которое нам присудили за обзор «Все – свои» о студенческой жизни, авторами и исполнителями которого было множество наших ребят. После громкого успеха обзора было решено написать настоящую пьесу о биологах. Авторский коллектив – Ляля Розанова, Митя Сахаров, Гарик Дубровский и Ген Шангин-Березовский – дружно принялся за работу. Примерно раз в 10–12 дней авторы, а также Ляля Хаджи-Мурат, именуемая «архивариусом», и я, собирались у кого-нибудь дома, часто у меня, зачитывали и обсуждали написанное, разрабатывали дальнейшее развитие сценария, распределяли, кто и что будет писать, выпивали за 6–7 часов работы бутылочку сухого вина – обычно «Баян-Ширей» (наверное, оно было

одним из самых дешёвых) и расхотелись писать дальше. Было чрезвычайно интересно наблюдать за творческим процессом авторов, за их спорами и озарениями.

Переpletенный и подаренный мне участником пьесылевой Москалевым экземпляр пьесы с трогательной надписью: «Дорогой Ниночке в память о безвозвратно ушедшей

*Володя Познер –
выпускник Биофака МГУ,
ныне известный телеведущий*

*Митя Сахаров –
мой студенческий друг,
ныне академик РАН*

молодости от Москалева Льва (Остапа) – исполнителя роли Лерочки. 1979 г.» хранится у меня до сих пор.

О самой пьесе и ее исполнителях и об обзоре «Все – свои» я подробно написала в книге «Ты в сердце моем, Биофак». Пьеса на смотре 1955 года прошла «на ура», биофактовцам спектакль очень понравился и прошел несколько раз с неизменным успехом и не только на Биофаке. Но мы заняли на смотре только ТРЕТЬЕ место. До сих пор обидно, решение жюри кажется несправедливым.

Для меня это самое яркое, памятное время. Рядом с Лялей и её друзьями жилось весело и приятно. Интересно и удивительно было видеть, как рождаются и воплощаются в жизнь новые идеи, как благодаря этому кипит и бурлит на факультете жизнь. Ляля была добрым и надёжным товарищем и другом, с ней можно было поговорить не только

о делах, но и о «своём, девичьем». Можно было не только радоваться жизни, но и «поплакать в жилетку» в трудную минуту. В тот период мы с Лялей довольно часто бывали вдвоем. Помню, как однажды она осталась ночевать у меня, мы до глубокой ночи обсуждали какие-то наши факультетские дела, и вдруг она сказала, что хочет вступить в партию и спросила, как я к этому отношусь, достойна ли она. Еще бы! Конечно, да! Я могу только позавидовать, т. к. сама пока не считала себя достойной стать коммунистом.

У Ляли было больное сердце – осложнение после какой-то детской болезни (кори или скарлатины), что никак не отражалось на её активности, она не жаловалась. Работала много, с удовольствием, плодотворно. Ездил в командировки, встречалась с разными людьми, писала научные статьи, написала две книги очерков и рассказов и статьи в журналах. В 1968 году Ляле стало совсем худо, и она подолгу лежала в больнице. 29 декабря 1968 года ей разрешили уйти из больницы на день ее рождения, который она, собрав многих своих друзей, отметила дома, как оказалось, в последний раз.

В январе 1969 года ее не стало. Смерть Ляли потрясла нас, ей исполнилось всего 37 лет!

На панихиду, проходившую на Биофаке, собралось очень много людей – родственники, друзья, преподаватели и сотрудники факультета, выпускники факультета разных лет, сотрудники журналов, врачи больницы.

Похоронили Лялю на Новодевичьем кладбище, где похоронен ее отец. Теперь там покоится вся семья Розановых – писатель Сергей Григорьевич, мама Ляли – Александра Иосифовна и сын Ляли – Митя.

О Ляле есть прекрасный очерк «Жила-была Лялька», написанный Митей Сахаровым после смерти Ляли, он опубликован в книге «Ты в сердце моем, Биофак», изданной нами в 2005 году и посвященной 50-летию нашей самодеятельности.

Теплые дружественные отношения были у меня и с **Лицей Фроловой**, человеком душевным, добрым, рассудительным, отзывчивым, всегда готовым поддержать в трудную минуту, обладавшим хорошим чувством юмора. На факультете она была, как и Ляля, активным серьезным комсомольским вожаком.

Помню, как мы 10 октября 1957 года, через год после Братского агитпохода, всей бригадой пришли к ней на свадьбу. Каждый получил забавный пригласительный билет. Мы купили Лийке и Вадиму Трофименко лодку-байдарку, мальчишки сложили ее в подъезде, она была торжественно поднята на 4 этаж и вручена молодоженам. Мы радовались за них, особенно за Лийку, которую все любили и уважали.

*Агитбригада Биофака МГУ
отправляется в Алтайский агитпоход*

Свадьба была веселая, много пели, шутили, рассматривая газету, посвященную свадьбе.

После окончания Биофака мои связи с биофаковцами несколько ослабли – было много сложностей и дел в школе, где я работала, рождение Алеси, распад семьи.

Прошло несколько лет, и однажды я встретила Лию где-то на Петровке. Мы долго рассказывали друг другу о том, что произошло с каждой из нас за эти годы. Я удивилась тому, что Лийка, такая плотненькая, крепкая в годы учебы на Биофаке, стала очень худой, много курила. Оказалось, что у нее тоже распалась семья – Вадим ушел, оставив Лийку с двумя детьми – Федей и Маришкой. Лийка сильно и долго страдала по этому поводу. В результате стала болеть, и в 1999 году Лийки не стало. Светлый был человек...

Наш факультет отличала еще одна замечательная особенность, которая сразу покорила меня: всюду – на

комсомольских собраниях, в перерывах между лекциями, в поезде или машине по дороге на практику, у костров на практике – все пели. На факультете был свой Гимн, сочиненный студентами на практике в 1949 году на музыку Исаака Дунаевского из кинофильма «Весна», которым мы, стоя, открывали комсомольские собрания и смотры художественной самодеятельности. Пели песни советских ком-

Выступление мужского ансамбля Биофака МГУ

позиторов – военные, лирические, шуточные, а также разные народные песни. Задорно и вдохновенно звучали «прикольные» песни: «Возле этого серого зданьица, где я впервые увидел тебя», «По тундре», «Есть в Батавии маленький дом» и другие.

Многие из этих песен распевают сейчас в передаче «В нашу гавань заходили корабли». Тогда, после войны, на Биофаке учились ребята из стран народной демократии – Чехословакии, Польши, Китая, ГДР и др., они пели нам свои песни, и мы их быстро разучивали и включали в свой репертуар. Тогда же зазвучали песни биофаковского композитора Гена Шангина-Березовского – лирические и серьезные, написанные о нашей жизни, стихи к которым писал или сам Ген, или Митя Сахаров, или Ляля. Их сочиняли к спектаклям, капустникам, концертам, агитпоходам. Эти песни быстро становились достоянием

всех, кто хоть немного мог петь. Обычно автор приносил песню кому-нибудь из тех, кто легко запоминал мелодию, потом этот «кто-то» передавал её дальше – участникам хора и ансамблей, в свои учебные группы. И уже через несколько дней песню пел буквально весь факультет – на «мостике», в рекреациях, в общежитиях и в компаниях.

С **Митей Сахаровым**, аспирантом кафедры физиологии человека и животных, я познакомилась, когда мы оба были избраны в комитет комсомола Биофака, где он отвечал за учебно-научную, а я – за культмассовую работу. Он относился ко мне с симпатией, приезжал в дни моего рождения, называл «Ниночек», подарил игрушечную обезьянку, которую храню до сих пор. Светловолосый, голубоглазый, обаятельный умница.

Мало этого – ни один смотр самодеятельности не проходил без его участия – он один из авторов наших капустников и спектаклей, блестящий артист. А главное – Митя был замечательный лирический поэт (литературный псевдоним – Д. Сухарев). Его стихи трогают сердце. Я особенно люблю его стихотворение о войне, ставшее песней на музыку В. Берковского – «Вспомните, ребята», которую считаю одной из лучших, написанных о войне.

*И когда над ними грянул смертный гром,
Нам судьба иное начертала...
Нам, непризывному, нам, неприписному
Воинству окрестного квартала.*

*Сирые метели след позамели,
Все календари пооблетели.
Годы нашей жизни как составы пролетели –
Как же мы давно осиротели!*

*Вспомните, ребята, вспомните, ребята, –
Разве это выразить словами,
Как они стояли у военкомата
С бритыми навечно головами.*

*Вспомним их сегодня всех до одного,
Вымостивших страшную дорогу.
Скоро, кроме нас, уже не будет никого,
Кто вместе с ними слышал первую тревогу.*

*И когда над ними грянул смертный гром
Трубами районного оркестра,
Мы глотали звуки ярости и муки,
Чтоб хотя бы музыка воскресла.*

*Вспомните, ребята, вспомните, ребята,—
Это только мы видали с вами,
Как они шагали от военкомата
С бритыми навечно головами.*

На его стихи написаны многие наши биофаковские песни, в том числе на музыку Гена Шангина-Березовского («Звенигород», «В сумерках синих», «Ау!», «Листопад»), самого Мити («Бегемоты», «Желна», песня к обозрению «Все – свои»), С. Никитина («Пароход», «Брич-Мулла»), В. Берковского («Вспомните, ребята», «Альма-матер», «Песенка про собачку Тябу» и др.), Д. Борисова («Каргополочка», «Падают снежинки»).

Теперь Митя, Дмитрий Антонович Сахаров, академик РАЕН, доктор биологических наук, заведующий лабораторией сравнительной физиологии Института биологии развития АН СССР, член различных иностранных физиологических обществ, автор нескольких научных монографий, семи поэтических сборников, составитель издания «Авторская песня. Антология», лауреат двух премий.

В 1950-е годы мы встречались почти ежедневно, а во время написания обозрения «Все – свои» и пьесы «Комарики» Митя вместе с другими авторами часто приезжал ко мне домой, где происходило обсуждение написанного и придумывалось продолжение. Митя приходил ко мне в дни рождения. Но однажды заболел, и прислал мне записочку-поздравление, и довольно большую «оду» на пергаменте, в которой были и такие строки:

*«Бьют истошно в барабаны,
В тамбурины и литавры
Все друзья «Баян-Ширея»,
Сам Омар Хаям великий,
Олишер при них со свитой,
Поздравляют, преклоняясь,
С днем рожденья не двухсотым
Нашу милую Нинулю*

...Прими мои поздравления и наилучшие пожелания. Поздравь и Марию Ивановну – мужественного борца за комаризм... Ну, привет всем гостям. Митя».

Прошло время, мы стали встречаться с Митей раз в году – у Тани Лягиной, куда приходим 29 декабря в день рождения Ляли Розановой, и на редких факультетских вечерах, да иногда звоню ему в день его рождения.

В апреле 2005 года мы встретились с ним у типографии «Новости», которая находится против митино дома, В типографии я получала книгу «Ты в сердце моем, Биофак», там же подарила ее Мите. Пришел он и на презентацию книги в Дом культуры МГУ, где выступил, хвалил книгу и меня – «как это такая маленькая женщина смогла такое организовать!»

Гарика Дубровского я впервые увидела на сцене, он поразил меня своей темпераментной игрой в постановке А.П. Чехова «Медведь».

А потом была подготовка обзора «Все – свои», где он был едва ли не основным придумщиком разных эпизодов и хохм. После обзора началось сочинение пьесы «Комарики», в которой Гарик был не только одним из авторов, но и одним из главных персонажей, веселым, остроумным Петькой Бузиным. Кроме того, Гарик писал рассказы, один из них – «Сима», Ляля читала на смотре. Он участник Алтайского похода.

После окончания Биофака с ним случилась беда – в экспедиции попал в автоаварию и потерял ногу. Работать по специальности зоология позвоночных уже не мог. Но он нашел себя в другом – стал писать. Вышел сборник его прекрасных рассказов «Стреляные гильзы», по его сценариям сняты замечательные фильмы – «Остров сокровищ», «Холодное лето 53-го», «Приключения принца Флоризеля», «Преферанс по пятницам». Сейчас живет и работает – продолжает писать – в Петербурге. Очень талантливый и сильный человек.

Естественно, что я, прежде всего, пошла в хор, которым руководила **Ольга Николаевна Лягина** – мама студентки кафедры ихтиологии **Тани Лягиной**. В этом хоре я была

старостой и должна была предупреждать каждого (это 25–30 человек) перед каждой репетицией о ее времени и месте.

На нашем курсе были девочки с прекрасными голосами. **Тоня Глубокина**, обладательница красивого сопрано, исполняла романсы Римского-Корсакова «Редет облаков...» и «Ночь» Рубинштейна на стихи А.С. Пушкина, арии из опер (например, арию Антонида из оперы Глинки «Иван Суса-

*Вадим Тихомиров –
мой студенческий друг*

*Герман Гапочка –
мой студенческий друг*

нин»), русские и украинские песни – «Пряха», «Дивлюсь я на небо» и др.

Прекрасное меццо-сопрано было у **Наташи Карсаевской**, которое особенно проявилось у нее после окончания МГУ, когда она немного позанималась в вокальном классе. Мы с удовольствием слушали Наташу на одном из вечеров встречи нашего курса, а я еще и на ее сольном концерте в Доме Ученых, куда она меня пригласила.

Кроме того, на курсе были и достаточно хорошо поющие мальчики: **Герман Богданов**, **Володя Сафонов**, **Лев Беседнов**, **Юра Езепчук**, испанец **Антонио Претель**, поляк **Андрей Батко** и чех **Ярослав Голман**.

Я решила организовать мужской ансамбль. И получилось! Осенью 1952 г. на втором курсе на одном из факультетских вечеров мы спели три песни – чешскую «Анечка, душечка», польскую «Шла девица по лесочку» и нашу военную песню неизвестного нам автора «Котелок»,

которую тогда распевал весь Биофак. Она заканчивалась словами: «И в наплывах табачного дыма рассуждает советский стрелок, / Что для война все достижимо, / Лишь бы только варил котелок!» Мы произвели настоящий фурор, ведь тогда на факультете мальчиков было мало, и была популярна частушка, со словами «Распроклятый Биофак, не найти милёночка!»

*Миша Андреев.
Братский агитпоход*

*Нина Визжилина –
первокурсница МГУ*

На этом дело не кончилось, у меня было еще три мужских ансамбля.

Мой второй ансамбль возник при подготовке к Братскому походу в 1956 году. Надо сказать, что агитпоходы – тоже детище нашего факультета. Насколько я знаю, агитпоходное движение началось именно у нас в конце 1940-х годов, став впоследствии обязательной частью комсомольской работы в МГУ и других институтах.

На Биофаке сначала это были однодневные походы с лекциями и концертами в деревнях близ биостанций. Естественно, что во время летних практик после первого и второго курса я тоже была в этих походах. Первый дальний поход на целину состоялся летом 1955 года (тогда дорогу и суточные оплачивал ЦК ВЛКСМ).

У меня в это время была преддипломная практика в селе Санское Рязанской области, где на довольно большом участке я вдохновенно занималась скрещиванием разных

сортов подсолнечника, поэтому в Алтайский поход не пошла, хоть и очень этого хотела. Зато на следующий год, летом 1956 года, уже после окончания Биофака в свой первый отпуск я поехала в агитпоход на строительство Братской ГЭС. Командором нашего Братского агитпохода был **Женя Дмитриев**, симпатичный доброжелательный парень с добрыми голубыми глазами и пышными усами, которого мы любили и уважали, дорожили его дружбой. Прекрасный чтец, танцор, участник мужского ансамбля (бас), замечательный актер, сыгравший Абрама в пьесе М. Светлова «20 лет спустя», один из организаторов агитпоходного движения на Биофаке в 50-е годы, участник многих агитпоходов.

После окончания факультета он защитил докторскую диссертацию, стал профессором, в течение 25 лет заведовал кафедрой на факультете Почвоведения. Не хочется верить, что его уже нет среди нас.

К Братскому походу я организовала второй мужской ансамбль. Ах, как серьезно мы готовились к нему! Репетировали еженедельно в гостиной общежития или на факультете. Долго и тщательно подбирали репертуар. Одну из песен я услышала на концерте в Колонном зале Дома Союзов в исполнении Краснознаменного ансамбля Советской армии. Сразу решила, что это песня для нас, подошла в антракте к одному из участников ансамбля и спросила, где можно получить ноты и слова. Он, улыбаясь, пригласил меня в Дом Советской армии на репетицию, куда я и съездила спустя несколько дней. Песня называлась «Марш Чешской бригады». Она была написана для Чехословацкой бригады, воевавшей против фашистов вместе с Красной армией. Шутя, мы между собой называли её «Милитаристская» – в ней, в частности, были такие слова:

*В грозной битве этой
Мы полны отваги.
С флагами Советов
Рядом наши флаги.
Мы полны отваги,
Снова будем в Праге!
Мы победим, мы победим!
В атаку, братья, Прага ждёт!*

Володя Познер предложил «Песню солдата» французского композитора Леграна и «Парижские бульвары» из репертуара Ива Монтана, он же и запевал их по-французски. Пели ещё чешскую песню «Кача», три куплета которой переводили одной фразой, примерно так: «Шла девушка Катя, нашла в поле денежку, кто денежку разменяет, тот и будет с Катей танцевать до утра».

Перед выступлением ансамбля на сцену выходил **Лев Москалёв** и представлял нас так:

– Помните, читала мама «Сказку про царя Салтана»:

*...Море вспенится бурливо,
Закипит, поднимет вой,
Хлынет на берег крутой,
Разбежится в шумном беге
И останутся на бреге
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря.
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор...*

Звучал энергичный марш и на сцену, чеканя шаг, выходили «богатыри» – вся мужская половина бригады – 11 человек. Лев продолжал: «С ними дядька Черномор...» Тут появлялась я. Лев делал изумленное лицо и говорил:

*Что за странная картина?
Вместо Черномора – Нина,
А на сцене перед ней –
Ровно треть богатырей!*

Понятно, что такое представление ансамбля зрители встречали улыбками, смехом, аплодисментами, да и пели ребята неплохо.

Но все это было не сразу. Дело в том, что некоторые ребята никогда не пели в хорах и ансамблях и поэтому считали, что главное петь погромче... Особенно запомнилось, как старался Лева Москалев, которого мы называли Остапом за его почти дословное знание текста «12 стульев» и бесконечные смешные приколы в стиле Бендера. Каждое утро мы встречались с ним на площади Киевского вокзала,

садились в 119-й автобус и ехали в МГУ на Ленинских горах. И пока мы ехали в битком набитом автобусе, Левка пел, спрашивая, все ли правильно он поет. Народ умилялся и от души веселился. И Левка не только научился петь «пиано», но в некоторых песнях мог исполнять партию второго голоса. А теперь иногда, шутя, говорит, что мог бы выступить и солистом, но «Нинка не дала».

С Остапом связано одно наше выступление, которое, чуть было, не закончилось провалом. Перед нашим последним в концерте номером Ляля и Лев разыгрывали сценку Дыховичного и Слободского про Баклажанского, который никак не мог решиться объясниться девушке Кате в любви. По ходу пьесы отчаявшийся Баклажанский сказал: «Катя, хотите, я влезу для Вас на дерево?». Выступали мы в тот раз на площадке бетономешалки, где, естественно, не было никакого дерева, но стоял столб с фонарем.

И вот Левка полез на этот столб, и мы увидели, что он корчится от смеха. Публика, к которой Лев стоял спиной, ничего не заметила, мы же, сидевшие на краю огромной ямы, из которой брали песок, смеялись до упаду, отчего я даже свалилась в эту яму, откуда меня с некоторым трудом вытащили. И вот наш выход. Говорю Левке, чтобы не вздумал смеяться, иначе я начну смеяться тоже, а за мной и все мальчишки... Он обещал быть серьезным, но где-то в конце выступления не выдержал и стал слегка загибаться от смеха, за ним потихоньку начала загибаться я, а за мной весь ансамбль. Слава Богу, зрители подумали, что это так специально придумано (песня была шуточная) и все закончилось благополучно.

Об Остапе можно рассказывать бесконечно.

Все, кто видел его на сцене, наверняка запомнили не только его веселые шутки и акробатические этюды, но и замечательное исполнение разных ролей в наших капустниках и спектаклях, например роль очаровательного стеснительного Лерочки в «Комариках».

Но самое сильное впечатление у меня осталось от великолепного исполнения сказки Г.Х. Андерсена «Жених и невеста», которую Лев читал с Лялей Розановой. За исполнение этой сказки они заняли первое место не только на смотре МГУ, но и на общемосковском смотре художественной самодеятельности.

Председатель жюри смотра в МГУ, режиссер В.К. Манюков, пригласил Льва в театральную студию «Современника».

После окончания МГУ и двух лет работы в Мурманском биологическом институте в Дальних Зеленцах, вернувшись в Москву, Лев, шутки ради, пошел на конкурс в театральную студию «Современника», где прочитал отрывок из романа

Олег и Валя Гомазковы

А.Н. Толстого «Петр Первый». И снова был приглашен в эту же студию режиссером В.К. Манюковым, вспомнившим, как Лёва исполнял сказку Г.Х. Андерсена.

Но Лев остался верным биологии, стал прекрасным океанологом. По возвращении с Севера он начал работать в Институте океанологии АН СССР. В течение 10 лет он участвовал в 30-ти экспедициях, в том числе на Северный полюс (СП-22) и в Антарктиду. Был на всех океанах в районах с глубинами более 6 тысяч метров, спускался на глубоководных обитаемых аппаратах на глубину больше 5 тысяч метров.

И в институте, как и на Биофаке, Лева участвовал в самодеятельности, сочинил и поставил более 10 спектаклей-

капустников, которых всегда ждали, предвкушая удовольствие и веселье... Кроме того, он вел зоологический кружок в Доме пионеров в г. Люблино, подготовил и провел 160 телевизионных передач, посвященных ученым – исследователям океанов, выступает в программе «В мире животных». Недавно написал и издал интереснейшую книгу «Мэтры глубин» (Москва, 2005, товарищество научных изданий КМК), в которой рассказал об истории изучения глубоководной фауны с начала XIX века до наших дней – от парусно-парового корвета «Челленджер» до глубоководных обитаемых аппаратов.

Лёва – знаток творчества Э. Хемингуэя, собрал очень большой материал о нем, о его жизни, друзьях и произведениях. Все это сделано со свойственной Лёве тщательностью, аккуратностью и большим вкусом.

Считаю Льва ярким, талантливым человеком, дружба с которым помогает переживать невзгоды и обогащает разными знаниями и не только в области биологии.

В походе мы выступали не только на всех концертах, но и на смотре после него, и в Дубне, куда ездили с концертом для работников атомного центра и где нам показали синхрофазотрон. Что это такое, сказать не могу, но помню, как ходили по огромному зданию, в котором всюду висели грозные надписи «Не лезь! Убьет!»

Вспоминая Братский поход, не могу не сказать о впечатлениях, которые остались от Сибири с её безбрежной, суровой и очень красивой тайгой с огромными лиственницами и кедрами, где на каждом шагу встречались заросшие травой и кустами вековые поваленные деревья – того гляди споткнешься и грохнешься на землю – с какой-то особой таинственной тишиной, лишь иногда нарушаемой криками птиц и шорохами невидимых зверушек. Поляны, красные от ягод брусники. Думаю, что именно такой лес называется в сказках дремучим. Однажды мы всей бригадой набрали ведро брусники за каких-нибудь полчаса, наелись до отвала, а потом дежурные (Лев Москалёв и я), не ездившие на концерт, сварили глинтвейн «Губы женщины». В тот день было холодно и дождливо. Так что глинтвейн для ребят, вернувшихся с концерта, был очень кстати.

Незабываемо прекрасен Байкал с его берегами-сопками, поросшими яркими оранжевыми жарками, с его хрустально-чистой холодной и прозрачной водой – то синей, то голубой,

то зелёной или чёрной, сквозь которую на громадной глубине можно было рассмотреть все камешки, рыб, растения. А маленький паровозик с тремя-четырьмя вагонами «времени Очакова и покоренья Крыма», который медленно полз по берегу и иногда останавливался, когда машинист видел из окна знакомого, с которым ему нужно было что-то обсудить или с кем-то поздороваться!?

*Людмила Гапочка –
жена Германа Гапочки*

А красавица Ангара и ещё речка с ласковым именем «Мама», разве можно их забыть! В этой речке наши мальчишки решили искупаться. Нужно было видеть, как, нырнув с разбега в воду, они пулей вылетали на берег – так холодна была вода!

Деревни с крепкими высокими избами, сложенными из громадных брёвен лиственниц, непривычно голые – у домов ни деревца, ни кустика. Скоро мы поняли и оценили мудрость сибиряков: отсутствие растительности у домов объяснялось очень просто – ветер свободно дует вдоль улицы и разгоняет гнус и комаров, от которых без специальных накомарников с частой сеткой просто нет спасения. В концертах на таёжных участках мы, девочки, прятались от гнуса и комаров под широкой юбкой Ксении Рыжовой –

исполнительницы русских народных песен «а-ля Лидия Русланова». И, конечно, невозможно забыть обстоятельных, немногословных, добрых, приветливых, хлебосольных сибиряков.

Как-то после очередного концерта нам устроили настоящий пир в правлении колхоза. На столе стояли разные лесные и домашние разносолы – солёные грибы, огурцы, орехи, брусника, мясо (то ли медведя, то ли кабана), необыкновенно вкусный домашний хлеб, мёд, ведро молока, самогон и пр. и пр. Вообще-то в походе мы не очень обращали внимание на еду. Завхоз бригады Миша Иванов выдавал дежурным некоторое количество банок тушёнки, рис, макароны, что-то ещё – ассортимент небогатый. Самым большим лакомством в походе были «бесплатные пирожные» – две печенюшки «Крокет», прослоённые сгущенкой, и ужасно вкусная копченая корейка (особенно её шкурка!). Даже в песенке о любви агитпоходчицы, сочиненной **Мариной Войно**, были такие слова:

*Зачем в ночные перегоны
Сидит он рядом не со мной?
Зачем он шкурку от корейки
Передаёт теперь другой?*

Не удивительно, что сибирское застолье произвело на нас очень сильное впечатление, тем более что всё было действительно необыкновенно вкусно, в том числе и самогон, который многие из нас пробовали впервые. Однако, пьяных не было ни среди местных, ни тем более среди нас. Вообще в походе выпивка была под запретом, и спиртное выдавалось в редких случаях сильно замёрзшим или в дни рождения – чисто символически.

Конечно, запомнился иркутский Дом крестьянина, где нас долго не могли расселить, полагая, что девочки и мальчики должны жить в разных комнатах, а мы упорно собирались вместе и часто далеко за полночь разговаривали, репетировали, пели.

Братский поход – мой единственный дальний поход, оставивший незабываемый след в моей памяти – подарил мне много новых впечатлений и замечательных друзей.

Новые друзья – это **Володя Сперантов** и **Игоряша Осипов**.

Володя Сперантов – выпускник физфака Педагогического института им. В.И. Ленина – худенький, симпатичный молодой человек с обаятельной улыбкой. Он пришел к нам, узнав, что мы идем в поход на строительство Братской ГЭС и у нас нет аккомпаниатора (как всегда!). Володя играл на рояле по нотам и по слуху, мог играть и на аккордеоне, хотя это для него было труднее – аккордеон был

*Олег Гомазков –
мой студенческой
друг*

*Володя Сперантов –
постоянный участник
наших выступлений*

громадный, «мини органом» называл его Володя, и говорил, что в сидячем положении сможет продержаться минут пять. Однако это не помешало ему именно на аккордеоне не только аккомпанировать хору, солистам, танцорам и мужскому ансамблю, в котором он еще при этом и пел, но выучить и сыграть Бетховена в пьесе М. Светлова «Двадцать лет спустя». Володя оказался не только хорошим музыкантом, но и удивительно умным, приятным, воспитанным, заботливым и веселым человеком, покориившим всех нас своим добродушием, умением приспособиться к любым условиям.

Он принес нам несколько хороших песен, а песня «Неизменный спутник» стала песней всех наших походов. Кроме того, выяснилось, что Володя пишет очень хорошие стихи.

Игорь-Игоряша Осипов пришел в нашу бригаду школьником – ему было 16 лет. Чаще мы называли и до сего времени зовем его Пунтяриным.

Эту фамилию дал Игоряше Лев Москалёв, читавший какой-то рассказ, герой которого носил фамилию Пунтярин. Для нас, многие из которых уже закончили МГУ, Игорь был ребенком, хотя мы старались не подчеркивать разницу в возрасте. Ведь все признавали, что он прекрасно играл в спектакле «20 лет спустя» Сашку-д'Артаньяна, самого молодого подпольщика, чем вызывал настоящее уважение.

После Братского похода я не видела Игоряшу почти 20 лет, к этому времени он уже отслужил в погранвойсках в Туркмении и женился.

В 1974 году началась подготовка к вечеру памяти Ляли Розановой, которую Игорь обожал и любил, с ней он был знаком еще с драмкружка Дома пионеров Фрунзенского района, которым руководила Лялина мама. Естественно, Игорь был участником этого концерта. Потом мы встречались на вечерах 30-летия Братского похода и биофаковской песни. А после празднования 70-летия Биофака, где выступал очередной мой мужской ансамбль, в котором пело уже 17 мальчиков, причем только шесть из них были из Братского похода, мы стали друзьями. Мы часто говорим по телефону, а иногда он приезжает ко мне пообщаться, садимся за стол, распиваем, как правило, пиво или четвертинку водки, вспоминаем былое, обсуждаем сегодняшнюю жизнь. К Игоряше я обращаюсь, когда мне нужна помощь или когда мне грустно и одиноко. Он надежный и верный человек, настоящий друг.

Я не только пела в хоре и руководила мужским ансамблем, но два года была ответственной за курсовые смотры, работу кружков, организацию концертов, словом за всю культмассовую работу.

Кроме того, на первом курсе я сыграла роль первокурсницы в спектакле по повести Е. Успенской «Наше лето», где произносила всего несколько фраз, одну из которых однажды применила в жизни.

Было это на практике в Звенигороде после второго курса. После первой половины практики (зоологической) был устроен грандиозный костер, как всегда пели, дурачились, веселились. К нам на практику в то время приехал аспирант, прекрасный танцор Любомир Пётрович (Пётрович – это

фамилия). Я долго просила его научить меня отбивать «ключики». И вот в разгар костра он подошел ко мне и сказал, что готов научить меня. Мы отошли от костра, он повел меня в лес, за разговором мы ушли довольно далеко, на Ми-

*Н.Н. Визжилина в роли студентки
и Вадим Николаевич Тихомиров
в роли Лопатина
в спектакле «Наше лето».
Апрель 1953 года*

леевский овраг, и там началось обучение. Отбивать «ключики» научилась, но когда под утро мы пришли в лагерь, меня встретил дежурный, сказал, что все обеспокоены моим исчезновением и спросил, где я была. Тут-то я и произнесла фразу из пьесы – «Я сидела на гнезде!», чем настолько ошеломила дежурного, что он прекратил свои расспросы.

Когда я вошла в палатку, где мы жили, все девочки дружно отвернулись, ведь никого из них я не предупредила,

уходя с костра. Кроме того, тогда все, в том числе и я, считали, что у меня есть жених Женя Корниенко, поэтому мой уход с Любомиром девчонки расценили, как измену.

А на утренней линейке мой любимый и уважаемый начальник практики, с которым я часто советовалась по разным вопросам, Иван Григорьевич Серебряков, вызвал меня из строя и спросил, где я была ночью. Я молчала, он снова поставил меня в строй, а потом объявил, что аспирант Любомир Пётрович должен немедленно покинуть биостанцию.

На звенигородской практике мне впервые в жизни пришлось выпить спирт. Вот как это произошло. Кроме биологических занятий, мы сдавали всякие спортивные нормы, в том числе плавание. Я плавать практически не умела и всячески оттягивала сдачу этого норматива. Кончилось дело тем, что в последний день перед однодневным перерывом, который был между зоологической и ботанической практиками, преподаватель предупредил меня, что если я завтра не сдам плавание, он поставит мне незачет и встанет вопрос об отчислении. Девчонки посоветовали мне пойти по дну брода к другому берегу, где было мелко, делая плавательные движения руками, что я и сделала, получив искомый зачет. Однако в тот день было холодно, и я вылезла на берег, дрожа от холода, пошла в палатку и легла, накрывшись одеялами. В этот день мы должны были что-то репетировать, пришел один из наших мальчиков, Юра Езепчук, узнать, отчего меня нет. Узнав причину, сказал, что быстро меня вылечит, и ушел. Потом появился и принес какую-то жидкость в кружке – примерно четверть кружки – и сказал, чтобы я зажала нос и залпом проглотила эту жидкость. Ничего не подозревая, я проглотила ее и задохнулась – это был спирт! До этого момента я иногда выпивала в компаниях рюмочку-другую легкого вина, но спирт! Было мне очень скверно, девочки увели меня в лес, чтобы моего сильного опьянения не увидело начальство. А наутро я встала здоровая, нашла Юрку и отругала его за «лечение». Он очень удивился, что у меня была такая реакция, и сказал, что они (мальчишки) это пьют и ничего.

На третьем курсе началась учеба на кафедре, а летом мы поехали в Мичуринск, где дивились на прекрасный

мичуринский сад, слушали рассказы о методах его работы. Много позже я узнала, что к И.В. Мичурину хотел приехать Лысенко, но Иван Владимирович ему отказал и не принял. Так что учение, которое Лысенко назвал мичуринским, к Мичурину отношения не имеет. Мичурин был селекционером-экспериментатором, как говорится, от Бога, занимался подбором пар для внутривидовых скрещиваний и межвидовой гибридизацией, прививками, и вовсе не изобретал «теории». Однажды он сказал, что «мы не можем ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача». Эти образные слова были взяты на вооружение Лысенко для обоснования его «теории».

Случайно присутствовала на похоронах Лысенко. Я приехала на могилу родителей, убирала ее.

Мои родители похоронены недалеко от места, где прежде проводили гражданские панихиды. Я увидела, как принесли гроб, и вдруг услышала имя Лысенко. Подошла ближе, провожало его немного народу, в числе их был и мой бывший шеф – Н.И. Фейгинсон, который в это время произносил надгробную речь. Сравнил Лысенко с Ламарком, сказал, что дети Ламарка на его похоронах сказали, что «благодарные потомки не забудут его», и «это же можно сказать о Т.Д. Лысенко».

Было тошно. Много позже, проходя по кладбищу, я увидела заброшенную, неухоженную могилу Лысенко. «Не забыли» его...

Осенью 1954 года я перешла на четвертый курс, стала собирать материал и писать курсовую работу. А факультет активно готовился к очередному смотру самодеятельности, появлялись новые друзья нетолько с разных курсов, но и из других институтов. О нашей самодеятельности 50-х годов и о ребятах, которые ее создавали, я написала в книге «Ты в сердце моем, Биофак», хотя для того, чтобы рассказать обо всех, надо бы написать отдельную книгу.

С некоторыми из них я встречаюсь до сих пор.

Это **Миша** и **Эмма Андреевы**, которые летом живут недалеко от моей бывшей дачи в Ерденево, где мы встречались не раз. С ними я познакомилась еще на Биофаке.

Эмма веселая, шустрая, разговорчивая, любительница попеть. Она до сих пор работает, что не мешает ей приходить на наши «посиделки», петь наши любимые песни и даже выступать на вечерах Биофака. С Мишей, который учился в

МВТУ им. Баумана, я познакомилась на год позже – в 1954 году, когда он пришел к нам на факультет в качестве аккомпаниатора, которых у нас вечно не хватало (он играл на рояле и аккордеоне). Сходил в поход и остался навсегда с нами – не только жену выбрал на Биофаке, но стал одним из лучших концертмейстеров на нашем факультете, участником шести агитпоходов. У него абсолютный слух, он сходу может сыграть практически любую мелодию в любой тональности. Человек спокойный, очень надежный, хотя и любит иногда поворчать.

Не могу не сказать о **Женечке Сычевской, Вале Хромовой** (теперь **Гомазковой**) и **Оле Аникеевой**. Валюша обладала прекрасным слухом, могла петь «первым», «вторым» и «третьим» голосом. Она создала прекрасное известное до сих пор на Биофаке трио, исполнявшее практически все песни Шангина-Березовского, некоторые народные песни и лирические песни советских композиторов. **Валя** – серьезный, основательный, очень ответственный человек, руководила не только трио, но и хорами факультета в течение нескольких лет. **Ольга** – милая, добрая, симпатичная, белокурая, улыбчивая, с ямочками на щеках девушка – нравилась и девушкам и, особенно, нашим мальчикам.

А **Женечка!** Прелестный высокий чистый голос, большие голубые глаза, сильный характер... Она не только пела в трио, но стала замечательной солисткой, исполняла разные лирические песни, но особенно прославилась, когда спела песню Гена Шангина-Березовского «Царевна Несмеяна». До сих пор она поет ее на бис на концертах Биофака. Эта песня теперь известна всей стране, ее иногда исполняют по радио. Теперь Женя – доктор биологических наук, работает в Институте палеонтологии РАН, ездит в разные дальние экспедиции и до сих пор поет, вызывая восхищение слушателей.

Среди наших мальчиков особенно приятно вспомнить о Серее Чепурнове, Жераре Черняеве и Олеге Гомазкове.

Сереза Чепурнов, ныне профессор, доктор биологических наук, тогда был веселым выдумщиком, прекрасным исполнителем роли «Направо» в пьесе М. Светлова «Двадцать лет спустя», сценаристом и режиссером-постановщиком спектакля по мотивам произведений Чапека

и курсовых капустников, участником мужского факультетского ансамбля и нескольких агитпоходов.

Писала, не подозревая, что не пройдет и трех месяцев, как Сережи не станет – 1 апреля, вечером он скончался в кардиоцентре, где ему делали операцию на сердце. Врачи сказали, что такого изношенного сердца они еще не видели. Уходят близкие хорошие люди, а ведь всего год назад мы отмечали его 70-летие, и Володя Сперантов читал написанные ему стихи, в них было и о Сережином больном сердце:

*...Вдруг сердце, сон тревожа,
Забилось вперебой...
Держись, крепись, Сережа –
Пора идти на бой!
Вперед, за жизнь! В атаку!
...И сгнула беда.
Сережка с Биофака
Такой, как был всегда.*

*Такой, чей облик четкий
Живет в душе у нас –
Летящая походка
И – солнце бьет из глаз!
И никакого знака,
Что жизнь дала под дых:
Сережка с Биофака –
Пример для молодых!*

*Почти без опечаток
Написан жизни том.
Прощай, седьмой десяток –
Пора пожить в восьмом!
Живи, твори без брака –
На радость всем вокруг
Сережка с Биофака,
Наш старый, верный друг!*

Оказалось, что беда не сгнула. Горько хоронить друзей.

Жерар Черняев родился в Турции, потом жил во Франции, нелегально выехал из нее и приехал в СССР. Учился в школе ивановского интернационального детского

дома им. Е.Д. Стасовой, поступил на наш факультет в 1953 году. Веселый, необыкновенно любознательный, общительный и активный человек, он сразу пришел в нашу самодеятельность. Он и певец, и «на дуде игрец» (играет на аккордеоне, баяне и губной гармошке), участник четырех агитпоходов. После окончания МГУ 13 лет работал на Байкале, защитил докторскую диссертацию, сейчас занимается эмбриологией рыб, великолепно рисуя их, кроме этого любит разводить цветы и дарить их друзьям.

Олега Гомазкова помню с момента его поступления на Биофак в 1952 году. Он сразу вошел в наш круг лялиных товарищей и единомышленников и сразу стал одним из активнейших участников самодеятельности – он и сочинял, и режиссировал, и играл в сценках, капустниках, спектаклях, вел концерты, пел в хоре, был в шести агитпоходах, три года был культторгом факультета.

Сейчас Олег Гомазков – доктор биологических наук работает в институте биомедицинской химии РАМН, за последние годы написал несколько хороших книг – «Доминанта». «Прогулки в детство», «Портреты разных времен» и много научных статей и монографий.

А в моем архиве хранится смешное стихотворение, написанное мне в день моего рождения в 1954 году Олегом и Геной Гапочкой. В тот день я была больна, и гостей не было.

«...Мы шлем тебе привет и стихи, которые сочинили сами:

*О, миленькая Ниночка!
Мы шлем тебе привет,
Нежна, как паутиночка,
Прекрасней тебя нет!
Желаем быть здоровой
И вечно молодой,
И стойкой, как атоллы,
Приятной, как гобой!
От нас тебе пожеланье
Успешно кастрировать рожь,
(я должна была ехать на практику. – Н.О.)
И с чувством большого сознанья
Держать препараторский нож...
И чтоб венец культторга
Сиял, как золотой,*

*Над мило-белокурой
Могучей головой!*

Преданные тебе Г. Гапочка, О. Гомазков. 11.05.54».

Приближалось время окончания университета. На 5-м курсе много времени уходило на научную работу – обработку данных, полученных на практике, работу в библиотеке и написание дипломной работы. Самодеятельность отошла на второй план.

На пятом курсе меня избрали секретарем комсомольской организации курса, шла подготовка к защитам дипломов и распределению, писали комсомольские характеристики на каждого студента.

Наконец, последняя зимняя сессия, в мае 1956 года защита диплома, распределение на работу и госэкзамены. До свиданья, Биофак! Мне было хорошо здесь учиться и жить...

21 декабря 2002 года состоялась третья встреча выпускников моего курса.

На встречу пришло 84 человека. Двадцать шесть человек к этому времени ушли из жизни, иностранцы – 11 человек – возвратились к себе на родину, многие не смогли прийти из-за болезней, некоторых мы просто не смогли найти.

Предварительно мы разослали анкету, на которую ответили 120 человек. По данным этой анкеты был составлен обобщенный портрет нашего курса в 2002 году. Вот что мы узнали.

За истекший период наши выпускники работали в основном по специальности – в исследовательских институтах, на кафедрах Биофака и других ВУЗов, преподавали в вузах и школах, работали в противочумной системе и пр.

К 2002 году написано и издано более 80 монографий и учебников, опубликовано около 9000 обзоров и статей, несколько человек имеют авторские свидетельства, звания «Отличник высшей школы», «Почетный изобретатель», «Отличник здравоохранения», создано 5 сортов ячменя, 9 сортов томата и 4 сорта пшеницы. Из пришедших на встречу были два академика: Алексей Яблоков – академик РАЕН и член-корреспондент РАН и Виталий Вальцев – академик международной академии информатизации, 21 человек стали

докторами биологических наук, 68 – кандидатами биологических наук.

Половина наших ребят еще трудились в науке и в издательствах, преподавали биологические науки.

У 120 однокурсников 136 детей – 53 мальчика и 83 девочки, 136 внуков – 71 девочка и 65 мальчиков и 5 правнуков.

На нашей второй встрече в 1986 год мы спрашивали, чем собираются заниматься наши однокурсники на пенсии, тот же вопрос был задан и в 2002 году. В 1986 году у многих даже сам вопрос вызвал возмущение: «О пенсии даже думать не хочу!» А те, кто об этом думал, хотели наслаждаться жизнью, читать, заниматься самообразованием, посещать концерты, театры и лекции, заниматься цветами и огородом (2 человека), домашним хозяйством (5 человек), воспитывать внуков (тоже 2 человека), и ходить в кино по утрам за 25 коп. (старыми!).

В 2002 году половина ребят нашего курса уже не работала.

И вот чему они посвящали свое время:

77 человек занимались садоводством, готовили разносолы, вино из ягод и плодов, которые выращивали на своих участках, ходили в лес по грибы и ягоды, занимались ловлей рыбы, охотой и т. п.,

16 человек предпочитали путешествия по нашей и другим странам мира, благо такая возможность появилась.

12 человек занимались искусством, рукоделием, рисованием, резьбой по дереву, четверо участвовали в самодеятельности.

Для 5-ти человек основное развлечение – телевизор и разгадывание кроссвордов.

Театр и кино довольно регулярно посещает 10 человек, а внуками с удовольствием занимались 13 человек.

Самыми яркими положительными впечатлениями были названы – сказочная жизнь во время учебы на Биофаке, особенно на практиках, общение с природой, рождение детей и внуков, полет Гагарина и выход человека в Космос, путешествия в разные страны, наша самодеятельность и разные спортивные соревнования. Тяжелые воспоминания связаны у большинства с распадом Советского Союза, с

аварией на Чернобыльской станции, со смертью любимых людей.

Итак, 117 человек нашего курса, все основные предназначения человека исполнили – детей родили, деревья посадили, и даже домики, сарайчики, бани построили. В главном мы были счастливыми людьми и честно трудились.

Наша однокурсница, Наташа Феофарова, написала к нашей встрече стихотворение, которое отражает наше отношение к Биофаку и жизни:

*Товарищ, товарищ! Мы рядом с тобой
Шагаем по жизни дорогой одной.
Хотя мы расстались, промчались года
Родной Биофак нас сплотил навсегда.*

*Большие дороги мы вместе прошли,
Мы вместе всю землю вокруг обошли,
Проплыли моря, поднимались в горы,
И снег Антарктиды слепил наши взоры.*

*Мы вместе экватор не раз перешли,
И к северным дальним широтам дошли.
И жизни истоков мы тайны искали,
В их тонкий химизм постоянно вникали.*

*И в практику наши пошли достиженья...
Тобой, Биофак, зажжено то горенье,
Что мы пронесли через долгие годы.
И вновь мы пришли под родимые своды.*

*Расстались давно мы, промчались года,
Но наш Биофак не забыть никогда!*

2002 г.

Семья Орловых

Юрий Александрович

В моей памяти Юрий Александрович навсегда остался как человек острого ума, высокообразованный, тактичный, необыкновенно демократичный и чуткий, лишенный позы, с большим чувством юмора, любящий своих близких, добрый и внимательный – настоящий Интеллигент, отдавший свою жизнь служению Добру и Науке.

К сожалению, память моя несовершенна, многое забыто, и я помню скорее свои ощущения и чувства, но что-то осталось в памяти навсегда. Об этом и напишу...

Когда до рождения Алеши оставалось два-три месяца, Юрий Александрович выводил меня на прогулки. Он приходил с работы, обедал или пил чай и предлагал мне прогуляться. Мы выходили на улицу, Юрий Александрович брал меня под руку, и мы отправлялись либо по Ленинскому проспекту, либо по Донской улице в сторону Калужской 33. Обычно он сначала спрашивал меня о самочувствии, успокаивал, если на что-то жаловалась, а потом начинал рассказывать. Рассказчик он был великолепный, и мне казалось, что никогда не забуду этих рассказов, так интересны и эмоциональны они были. Но, увы! Помню теперь только некоторые темы.

О 1948 годе, о попытке обратить палеонтологию в мичуринскую (а правильнее сказать – в «лысенковскую») науку. О том, какую неблагоприятную роль сыграл в этом деле Давиташвили, ученый из Тбилиси; как много нравственных и физических сил приходилось тратить на эту дурацкую борьбу, сил, которые следовало бы использовать на благо науке.

Много говорил Юрий Александрович о создании Палеонтологического музея, каким он его представлял, какие препятствия приходилось преодолевать, чтобы воплотить в

жизнь этот проект. Музей – это была мечта Юрия Александровича.

Спустя много лет, уже после его смерти я водила внуков в уже построенный музей, и было грустно от того, что Ю. А. не увидел свою воплощенную в жизнь мечту. А музей получился замечательный! И при входе – портрет Юрия Александровича Орлова!

Иногда Юрий Александрович говорил о своих сослуживцах – с удовольствием, теплотой и радостью о близких ему по духу и мыслям людях, и устало и грустно – о недругах.

Юрий Александрович необычайно нежно и бережно относился к внукам, охотно отвечал на их бесконечные вопросы, учил их обращаться с молотком, пилой и другими инструментами – учил работать. Есть фотографии, на которых изображен этот процесс, а также замечательный снимок, где бабушка Юра везет внуков на тележке. А внуков было много – Миша и Юра, Лиза, Алеша, Настя и Никита. Лишь один раз я видела Ю. А. разгневанным, когда кто-то из внуков, капризничая, бросил на пол хлеб. Юрий Александрович дал ему подзатыльник и сказал, что будет наказывать, если это повторится, объяснив, почему нельзя бросать хлеб, каким трудом его выращивают, как делают муку, как пекут. Хороший был урок и, как мне кажется, не только для внуков.

Когда кто-нибудь из нас, молодых мам, сетовал на то, что ребенок плохо ест и старался обязательно заставить его съесть всё, что положено на тарелку, Ю. А. говорил, что не следует этого делать – «Проголодается – догадается!»...

В 1960 году Юрий Александрович был в Китае. Из Пекина я получила от него две открытки, вложенные в конверт, единственное его послание мне.

«Пекин, 14.05.60.

Н-И-Н-О-Ч-К-А!

Как вы там все живете, здоровы ли? Посылаю Вам спящего Будду, который напоминает мне Вашего супруга, когда он «возлежит» в ожидании залезания к нему в постель Алешеньки. Я успел очень соскучиться по всем близким, мечтал улететь в Москву 15.05, но до этого еду в Ланьчжоу и буду вообще ездить, а частично надеюсь побывать на раскопке.

Здесь цветет сирень и другие кусты, но особенно хороши магнолии.

Меня беспокоит мой поздний, относительно, возврат в Москву в смысле дачи, которую надо привести в порядок, хорошо бы, прежде всего вымыть и прибрать все внутри заблаговременно, еще до Нат(алии). Павл(овны), если она задержится на юге. М. б. Олег это соорганизовал бы, как только снег стает. Очень мне без вас всех не по себе, уже жду с нетерпением возвращения, а еще месяц впереди.

Здесь за все время с 30 марта один дождь и один пасмурный день, а то все солнышко. Но иногда прохладный ветер.

Привет всем близким, папе и маме - особый! Целую всех вас. Ю. Орлов»

Юрию Александровичу нравилось бывать у моих родителей, которые его очень любили и уважали и всегда радовались встрече с ним. Он беседовал с моим папой о самых разных предметах, с удовольствием общался с мамой, шутил, говоря, что перед приходом к ней «укреплял себя постом и молитвой», зная, как вкусно она готовит.

Когда мы расстались с Олегом, встал вопрос о жилье для меня и Алёши. Юрий Александрович очень огорчился по поводу распада нашего брака, он и помог решить эту проблему. Написал письмо в Управление делами АН СССР с просьбой о выделении мне двухкомнатной квартиры, хотя я просила об однокомнатной. Но он сказал, что однокомнатная не годится, т. к. у меня мальчик, да и я ещё молода (было мне тогда 32 года).

Когда мы с Алешей переехали в эту квартиру в новый 5-этажный дом на улице Новаторов, Ю. А. не раз приезжал навестить нас. Мы пили чай, разговаривали о моей работе, об успехах и трудностях Алешки и т. п. Иногда Юрий Александрович оставался ночевать, говорил, что у нас ему хорошо – тихо и покойно. А утром, уходя на работу, часто говорил: «Ниночка, берегите сына». Так он сказал мне и в свой последний приезд к нам. Мы, как всегда, смотрели ему вслед из окна. Он помахал нам рукой и ушел, как оказалось, навсегда... Вид у него был усталый. Однако Юрий Александрович никогда не жаловался на здоровье, лишь иногда говорил, что устал, хотя, как мы узнали позже, у него уже были проблемы с сердцем...